

ЕЛЕНА СВИТЕЛЬСКАЯ

Старый ШАМАН

16+

Елена Юрьевна Свительская

Старый шаман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63027863

SelfPub; 2020

Аннотация

В Китае давным-давно жил молодой повеса Ён Ниан. Жил столь безобразно, что отец стыдился его. И однажды характер дурной Ён Ниана принёс тяжкое испытание и ему самому.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

*Царство вод. Тростники. И на них
Ночью инея белый налет.
Свет холодной луны на горах,
Что маячит в густой синеве.
Неужели путь в тысячу ли
С этой ночи начало берёт?..
Разлучаясь, буду в думах всегда
На далекой заставе твоей.
Сюэ Тао*

Давно-давно в Поднебесной стране в семье аристократов родился мальчик. Тогда ещё мандат неба принадлежал династии Цинь¹. И родители, мать особенно, желали лучшего будущего для сына. Чтобы советником стал у сына императора. Или хотя бы чиновником, великий экзамен сдав. Мать, желая ему славы или, может, убить окончательно чтоб надежды иных женщин, деливших ложе с супругом её и рожавших ему детей, своего сына, своего первенца, нарекла Ён Ниан, что записывать надлежало иероглифами «вечный» и «годы», вечной или хотя бы долгой жизни желая сыну своему. Отец его, Хон Гун, сам наследнику имя дать хотел, но уж очень настаивала, очень уж молила старшая жена, так что дня через два он не устоял и уступил.

Мать своего первенца, да и, как сложилось, единственного

¹ Династия Цинь – первая китайская империя, существовала с 221 года до н.э. по 206 год до н.э..

сына своего, любила больше жизни и больше себя самой. Всё ему позволяла, всё ему покупала, а если денег на капризы его не хватало, тайно продавала свои украшения, чтобы всё-таки купить. С самых юных лет твердила ему, что он – лучший самый. Лучший в мире. Что экзамен он отлично сдаст, когда подрастёт. Что влиятельнейшим чиновником станет в городе. Что женщин у него будет не счесть. Но лучше, всё-таки, чтобы он одну выбрал и берёт её, любил. Но, в общем-то, если сердца всех красавиц Сяньян страдать по Ён Ниану будут – и ладно. Сыночку своему мать желала самого лучшего. Лучшего из лучшего.

Она молилась только за него. Вначале и за мужа, но тот, наглец, даже после рождения его сокровища, наследника его и впредь к другим женщинам ходил. Служанку молоденькую – старшую дочь ему что родила, первую из его детей – старшая госпожа со свету сжила, медленно яду подсыпая ей. А вот рабыню коварную, которую заставила подсыпать злоеший порошок, со свету сжить не удалось. И, более того, нахалка сына родила господину! Старшего из сыновей! О, как лютовала в тот день старшая госпожа! Даже ругалась на богов, допустивших такое непотребство.

Но мерзавка не умерла. Хотя и сына её господин не признал. Мол, рабы скверно живут, вместе в доме одном, мало ли от кого негодная его родила?.. Ей наедине сказал, лаская её, заплаканную, что, прости уж, любимая, но сына рабыни аристократы не примут. И цепляться будут так, что страшно.

И лучше жить ему простым. Если примерным будет – он его назовёт когда-нибудь свободным. И только.

На самом-то деле господин боялся, что если признает мальчишку своим, то однажды вдруг оборвётся его судьба, может, во время малых лет ещё. Он видел злые взгляды, которые бросала старшая госпожа на служанку, которую он сделал наложницей своею. Видел улыбки торжествующие старшей госпожи, когда болезнь неведомая стала медленно силы выпивать у молодой госпожи. Он, кажется, всё тогда понял. Он смерти не хотел и сына своего, хотя мать его не слишком-то любил. Так, для разнообразия держал. Для красоты. Она тихую была, как и молодая наложница почившая. А старшая жена как гневалась, так могла и из опочивальни своей выгнать, и вазой запустить. Или разбить об пол. Драгоценною, хрупкою вазой, дорогой. Как назло, она выходила из влиятельной очень семьи. А такого статуса и силы, и богатства клан самого господина никогда не имел. И родители их всё решили за них. Приходилось ему терпеть её дурной нрав. А главная жена вид делала, будто терпит развлечения его с женщинами другими или будто не замечает даже всех их со стороны.

Гу Анг милым, славным вырос юношей. И ходили слухи по поместью, да, что уж не верить в длинные языки, и по

всему городу, что Гу Анг, лёгкий как и иероглиф его имени, на самом деле – старший сын Хон Гуна. Ведь мать его убирала полы в личных покоях господина! Да, в общем-то, с чего это сам Хон Гун, один из главных чиновников города, даровал матери его лист с начертанием его имени? Ведь не стал бы дарить, если б был тот ему чужой? Да и в недели ближайшие две от родов рабыни, запершись, молилась пылко главная жена Хон Гуна. Вот с чего бы она вдруг стала рьяной такой и верующей?.. Да с чего, кстати, месяца два после того, когда слухи о Гу Анге ходили уже по Сяньяну, в поместье Хон Гуна до смерти запероли тридцать три слуги и двадцать два раба? Не от того ли, что кто-то из них проболтались?..

Ён Ниан ужасным рос. Он часто мучал Гу Анга, из-за которого часто плакала его мать. Хотя тот и не делал ничего. Не у него привычка была разбивать старые драгоценные вазы. Не он украл нефритовое кольцо. Хотя нашли его у него.

Ох, и радовалась в те дни главная госпожа! Ох, и мечтала от первенца мужа избавиться!

Но когда-то добрый сердцем Гу Анг защитил от подвыпивших чужих рабов Кэ У, дочь умершей наложницы. Сам тогда сильно пострадал, хромал с тех пор. Она же смогла убежать, покуда они отвлеклись на него. Потом рабов хозяин их на глазах Хон Гуна и прислуги своей всех забил до смерти. И дружили соседи с тех пор как обычно. А рабы... а кому дело есть до сдохшего раба! Тем более, что дерзнули касаться руки молодой госпожи, говорили мерзости ей, напугали

страшно.

А как притащили Гу Анга связанного на пыточной двор, так прорвалась молодая госпожа туда – ещё и десятка ударов не нанесли – и на колени упала перед отцом. И сказала, что это она украла кольцо. В слезах стояла часа три на коленях перед покоями господина, покуда тот тяжело думал, что же делать теперь с неожиданным её признанием.

Её страшно тогда избили. В чулане, лишь при отце. Мол, даже если и дочь старшая господина, должна место своё знать, не завидовать женщинам старшим, что у них украшения красивее, тем более, чтоб не смела больше воровать, врать и подставлять других. А Гу Анг, сын рабыни, остался тогда живой. Раба бы за воровство не пощадили, забили бы в назиданье другим.

А она, избитая и отпущенная, зашаталась от слабости, упала в пути, да угол стола зацепив, ослепла на левый глаз. С ужасным шрамом на лице ходила. Хотя прекрасным было до того её лицо. Но стало теперь ужасным.

И, хотя она дочерью была влиятельного Хон Гуна, даже из семей купцов никто в жёны её брать не хотел. Совсем.

Ён Ниан открыто смеялся над ней, уродиной звал. Говорил, что на свете одна только дура такая родилась. На что подставилась, соврав, будто сама украла кольцо?

– Ты не поймёшь, – с улыбкой краткой раз лишь сказала Кэ У, но улыбка её не была видна целиком за прядью широкой и краем шали, расшитой жемчугом, что закрывали её

лицо на половину.

– Я не пойму, – с усмешкою подтвердил младший брат её и наследник семьи, лениво обмахиваясь роскошными веером с изящнейшими иероглифами и горами, рукою сделанными лучшего столичного мастера. – У женщин только лишь есть всего, что красивое лицо, – взглядом насмешливым скользнул по одежаниям поверх её быстро вздымавшейся груди. – И ещё кое-что. Но то у женщин у всех одинаковое. А ты потеряла своё лицо из-за него. Из-за сына раба!

Хотела что-то девушка сказать ещё, но смолчала. И, поклонившись молодому господину, дня пожелав прекрасного ему, голову гордо подняла и с достоинством ушла.

Но отец, случайно увидевший их двоих рядом... с чего бы это вдруг рядом их двоих?.. Он, испугавшись, ближе подошёл. И всё расслышал Хон Гун. Он морщился и сердито сжимал кулаки. Он от гнева свой веер сломал, в руке его ручку раздавив и бумагу порвав. Ухмыльнулся краешками губ Ён Ниан, но виду не подал, что приметил его.

На тот раз обошлось.

Но в дни другие шутить над сестрою изуродованной продолжил наследник Хон Гуна. И мрачнел, и есть отказывался в некоторые дни усталый хозяин усадьбы, влиятельнейший чиновник столицы. Но почти совсем бесправный внутри своей семьи. Он уже второго своего ребёнка защитить не сумел! Хотя слёзы его не видел никто. В темноте слёзы не видны. Особенно, если молча зубами рукав закусить и смол-

чать. Особенно, если под видом простуды и важного дела по службе избежать всех своих женщин и жён.

И ликовала старшая госпожа, видя хмурость и недомогания проснувшиеся супруга. Ужели боги молитвы услышали её? Ужели скоро поместье и богатство всё сыну её всё перейдёт, да право командовать им?..

Она не любила супруга своего. Её родители сосватали за него, а увидела раз первый у брачного ложа, при свете свечильников, когда он с головы её красное покрывало снял. Она любила когда-то охранника молодого в родном доме. И никому не сказала о том, даже тому. Она умною девочкою была. А потом муж, переезд... она уже забыла, что когда-то любила.

Как и хотелось ей, сына молодого её, ребёнка единственного – дочь поздно родилась и рано умерла, в первый ещё год, случайно чернильницу на себя уронив, глаза чернилами заляпав, да, отползая, с лестницы упав – его во всём Сяньяне знали. Да только дурно говорили всегда о нём.

А об Гу Анге говорили с теплотой. Он ещё часть денег, отцом подаренную за отправку важного письма в другую, далёкую провинцию, к давнему другу, ставшему там губернатором, бедным семьям Сяньяна раздал.

Сначала робко у него мальчонка замызганный попросил матери на лекарства, чуть-чуть, потом обещал отдать, жизнью своею или молитвами – и юноша добрый отдал, так что и на лекарства хватило, и на дом новый, на украшения для

дочерей её, с которыми они быстро женихов нашли. Из бедных. Но бедным лишь несколько колец да браслетов нефритовых – уже приданное роскошное. Уже можно продать да купить себе еды в голодный год.

Потом и о нищих Гу Анг призадумался других. И деньги раздал. И слухи новые по столице о нём пошли. Случайно услышав какой-то из них, Хон Гун потом улыбался недели три. Да, он сына не признал своего, первенца своего не признал. И за то пред предками ответ держать ему – он дурно со старшим сыном своим поступил – но, всё-таки, даже будучи рабом и сыном рабыни, и сыном неизвестно кого, даже так родившись и выросши, его Гу Анг заслужил восхищение людей. А гордость за сына – то лучшее украшение седин отца! Никакие шпильки драгоценные так не украшают гордо поднятую голову, как достойный и добродетельный сын. Даже если не знает никто о том. Но он-то знал! Кроме него мужчин не принимала его нежная Мэй Ли. Точнее, вид делала, что принимала охотно ещё двоих, из рабов, чтоб подозрения в отцовстве на господина её не легли. Но принимала неохотно и редко. Да и... разве можно дурно отзываться о женщине, что в одиночку взрастила такого сына?! Не то, что творение его и старшей госпожи.

Шло время, годы шли. Дочерей всех своих пристроил за-

муж за людей влиятельных Хон Гун. Кроме старшей дочери от умершей молодой жены – он посмертно звание жены своей ей даровал. И люди судачили, разумеется, о том. Но из-за Жёлтой реки старшая госпожа соперницу достать уже не могла. А потому, зубы стиснув, стерпела и это унижение.

Шло время, годы шли. Кипела жизнь в Поднебесной. Император их нынешний, Цинь Шихуан, деловой был. Мало того, что объединил все царства Восточной Чжоу, оружие у населения всё отобрал, да переселил десятки тысяч семей знати разных царств в столицу новую Сяньян, так и после не успокоился.

При Цинь Шихуанди соединили стены оборонительные северных царств Чжоу, положив начало невиданной стене и длинной, которую потом, спустя века, будут вспоминать вместе с именем Поднебесной. Дорог несколько важных император заложил, чтоб ездить удобно было до окраин империи из столицы. Выгнал племена сюнну за Великую стену. Забрал много земель от племён юэ.

А что последователи великого Конфуция посмели возражать мнению и желаньям, так то император прощать не желал. Сжигали тексты без жалости. Людей погребали заживо.

Гу Анг, отца однажды застав в волнении, рискнул спросить, случилось что. И тот вдруг ему признался, поднос с едой принёсшему, что имел при себе текст, записанный учеником Конфуция – и сохранить бы хотел. Но боится, что если у себя сохранит – за то он гибель принесёт для всей своей семьи. И юноша, волнение увидев доброго господина – тот был обычно с ним дружелюбным и милостивым – всем сердцем возжелал долг благодарности ему вернуть. Ему, ведь Гу Ангу так повезло с хозяином! И, поднос почтительно на стол опустив – ни капли не пролил – на колени бухнулся пред господином.

– Позвольте мне сохранить те документы? Я подальше от поместья уйду. И спрятать постараюсь. Если меня поймают, сокру, что украл. А вы не скажете никому, что я вышел из вашей усадьбы.

– Да тебя весь Сяньян знает! – улыбнулся его отец.

– Я уйду далеко от столицы! – пылко юноша сказал ему.

Отец долго бродил по комнате в нерешительности и сын его, сын почтительный его, возвращённый рабом, ждал ответа его с почтительным волнением. Уж очень помочь ему хотел! И это читалось на лице его. И тронут был Хон Гун подобным отношением.

И, юношу за плечи сжав – впервые он прикоснулся к нему – заставил подняться с колен, в раз первый.

– Ну, хорошо, – сказал он, хотя и не хотел опасности такой

сына любимого подвергать своего, самого любимого из всех троих, но понимал, что в этом надежда наградить Гу Анга потом свободой и, может, деньгами и местом слуги ещё. А иных идей на тот счёт не имел. – Я дам тебе ещё семь книг. И, может, так и не поймут, что идёшь ты, желая укрыть текст ученика Конфуция. Ты будешь врать, что просто с посылкою идёшь. Я письмо тебе напишу. А адрес на бумаги листе мы водою размоем. И письмо подмоем. Будто в реку случайно упал, но быстро вплыл. И книги...

– Но стоит ли книги?.. – юноша робко подал голос. – Книги священные! – он виновато потупился, со взглядом столкнувшись его. – Тем более, вы так дорожите книгами, мой господин!

Улыбнулся вдруг Хон Гун. Старший сын его читать и писать не умел совсем, но почтительность к книгам и к знанию перешла и к нему. В отличие от некоторых. Ругали Конфуция чиновники и студенты, ругали знать и переписчики, желая понравиться императору. Ругал его и Ён Ниан. Самого великого Мудреца и Учителя! Но Гу Анг мудрецов и знания уважал. Красивый сын у Хон Гуна вырос! Очень красивый. Жаль, что и не скажешь: мой. Но, признайся тогда Хон Гун, так, может, Гу Анг до дня сегодняшнего и не дожил!

И, свёрток получив простой, массивный, а под ним – свёрток из драгоценных шелковых тканей, покинул ночью Гу Анг усадьбу. А куда ушёл – никто не знал. Разве что господин

объявил поутру, слугам и стражникам своим, поднятым разгневанным Ён Нианом на поиски Гу Анга, что сам кое-что тому поручил.

– А, может, просто вы пытаетесь спрятать этого мерзкого вора? – наследник его проворчал, продолжая сжимать меч.

Он хорошо владел мечом. Что было единственным его украшением.

Точнее, лицо его было прилично ещё, хотя и не слишком. Тело крепким. Но кто в здравом уме в столице хотел бы, чтоб избалованный ветреник и, хуже всего, сын непочтительный Хон Гуна вошёл бы в их семью?! Да люди, дочери и, матери особенно, даже простые наложницы, богов лишь молили, чтоб зять такой обошёл жилища их семьи! Хотя по знатности и по богатству, по статусу сына старшего своей семьи он был один из лучших десяти женихов.

– Я правда кое-то поручил ему, – с улыбкою сказал отец, да слуг поманил к себе.

Сын мрачно за ними подошёл, встал, чтобы не коснуться случайно их: он брезговал.

– То дело важное. И лучше, чтобы слухи о том за стены поместья не шли, – нахмурился мрачно Хон Гун. – Ежели узнаю, что кто болтал – заживо сварю, – на сына старшего посмотрел: – Даже если это будешь ты.

И в ужасе отступил назад его сын, смотря на отца глазами расширенными. Он помнил, что даже Кэ У не пощадил его отец. Он даже пьяным не говорил потом никому, что Гу Анг

ночью покинул поместье, сжимая какой-то свёрток.

– Но... – опомнился он, когда уже слуги и воины разошлись, накупившись, молчаливые, верные вольно или от ужаса. – Почему не мне?.. Почему не мне, мой господин?!

– То опасное дело, – ступил к нему Хон Гун. – К тому же, экзамены сдавать тебе. Ты должен чиновником стать, чтобы не опустить честь семьи. Я так хочу, – да ушёл, гордо подняв голову, с ровной, красивою, широкою спиной.

Сын постоял, взглядом отца провожая. Да сплюнул. На куст пионов цветущих от третьей его жены. У той, робко вышедшей в сад прогуляться, на глазах. И женщина молодая не решилась супругу рассказать о том. И служанкам своим запретила болтать о том. Забыла об унижении. Будто бы. Ведь шрамы на сердце хоть и не видны, но не проходят. Проклятия тоже не всегда видны от усталой души человека, но тоже как шрамы не сходят.

Но Ён Ниан раздосадован страшно был. Недели две успокоиться не мог. Опасное приключение и дело важное – о чём ещё мечтать ему? Не о мерзких же книгах! И, как обычно, утешаться пошёл в бордель. У всех сыновья учились, а он... ну, почти все. В борделях, особенно, лучших, всегда хватало молодых весёлых господ. Да драк хватало. Да искуснейших и новых красавиц, со всей страны. Там женщину любую найти себе мог Ён Ниан. Кроме любимой. Да он и не искал любви. О женском коварстве от матери наслушавшись: та не хотела, чтоб девку безродную он в жёны притащил или даже в на-

ложницы. А вне дома стен пусть творит всё. Хочет – ласкает, хочет – бьёт. Ей дела нету до них.

Отец в тоске спрятался, глаза пряча от стыда. В комнате Кэ У. И с нею играл в го часами бесчисленными, без еды почти и без сна. И дочь от покойной жены любезно его приняла. Сама на сладости почти не отвлекаясь. И даже не спала три дня. Потом отец уже, заботою её ободренный, сам её, за столом уснувшую, на постель её отнёс. И снова из комнаты вышел. Чтобы жить. Снова чтобы жить.

Хотя он в большей тоске думал с тех дней об Кэ У. Он понял совсем, что сердце у неё доброе. Но кому нужна дочь из богатой семьи с ужасным таким лицом? Если и приданного много, подарков много даст – разве кто возьмёт?.. А если и возьмут, и передумают? Вот унижение ей, вот разочарование сердцу её хрупкому будет! Или слуги начнут язвить о ней? А муж молодой, ветреник какой-нибудь, жену себе заведёт и новую, и третью, красивых. А ежели второю женою отдать – то не избежит бедняшка издевательств от старшей жены. С её-то лицом!

Семь лет прошло. Три раза пытался экзамен сдавать молодой господин. И ни разу события торжественного после объявления результатов не произошло.

Хотя младший сын, мальчик ещё, на брата старшего на-

смотревшись, да на страдания отца – хотя и скрывал тот их за улыбкой грустной усердно – сам стал заниматься решительно. И ночью при свете луны. И при свете снега зимой. И при свете светлячков. Года два любовался отец на него, хотя и просил иногда отдохнуть, здоровье поберечь.

Два года усердно учился младший господин. И неожиданно слёг. Бледный, усталый страшно он был. Ещё и лекари не решались правду говорить, ещё хватались за лекарства как будто уверенно, то и то норовили попробовать, но понял отец: совсем.

Он ночью последней, как будто чувствовал, с матерью просидел на постели его. Сжимала несчастная женщина молодая руку сына правую. А отец – крепко держал левую. И смотрели, губы кусая, да слёзы глотая, как угасает единственный их сын. Двух девочек, близняшек, жена потеряла в родах.

Очнулся вдруг мальчик при свете светильников и свечей. Он тихо спросил, глядя на оживившегося отца, бессонницею измученного и исхудавшего, но, впрочем, не так страшно как сын:

– Отец... могу я кое-что спросить у вас?..

– Проси что хочешь! – пылко ответил тот, садясь ещё ближе у него.

– Я только хотел спросить... – мальчик смущенно взгляд опустил.

– Да говори же! – взмолился отец, он страшно хотел хотя

бы просьбу исполнить последнюю его, он учуял, что просьба та будет последней.

– Всего лишь хотел спросить... – сын робко взгляд поднял на него. – А правда, что раб тот молодой... Гу Анг... он тоже ваш сын?.. – и глаза смущенно опустил. – Я просто видел иногда, как ласково смотрели вы на него.

– Он достойный юноша, – вздохнул Хон Гун и вдруг вдохнул сердито. – Не то, то некоторые!

– Не говорите так, мой господин! – взмолилась жена его. – Он тоже ваш сын! – и осеклась, рот напугано прикрыла платком.

– Да, он тоже мой сын, – признался наконец-то Хон Гун, смущенный. – Но Гу Анг... он сын рабыни.

– Значит, брат он мой, – улыбнулся грустно младший господин, потом уж помрачнел. – Жаль, я не смог проявить почтение к нему! – вдруг тонкими пальцами, с кожей, кости обтянувшей, запястье отца сжал. – То просьба вторая... и не должен я... но я всё же спрошу... – глаза поднял с мольбой на отца – у того защемило сердце от горестного этого взгляда: – Прошу, точнее. Отец, отдайте мой меч ему! Когда Гу Анг вернется, – он улыбнулся. – Я верю, что он может славу дому нашему принести. И вы, может, позвольте быть ему уже слугой. А он мне жизнь спас, когда я в пруду тонул. Лёд был тонкий, но мы... я, то есть, дерзнул по нему пройти. А Гу Анг рядом был. Рванулся в воду за мной, вытащил меня. Он долго тогда, помните, болел? Месяца три.

– Ён Ниан, что ли, шутками заманил тебя на лёд? – отец помрачневший спросил.

– Нет! Что вы! – пылко возразил младший сын, догадки подтвердив его.

И горечь, и гордость заполнила сердце Хон Гуна. Мило-сердным, почтительным был его третий сын. Но жаль, что по жизни они вместе прошли так недолго.

– Хорошо, – отец с улыбкою пальцы сына сжал, не менее любимого, чем тот, – твой меч передам ему. Скажу, что ты признался наконец... – и, слово гадкое сказав, помрачнел, не сразу сил нашёл сказать: – Что он жизнь зимой спас тебе.

Но Хэй ему улыбался, счастливо. Глаза счастьем горели на исхудалом страшно лице. И мать его улыбалась украдкой. И понял мужчина, что в этих покоях уже всё знали. И старшего сына его любили. Но тоже скрывали, раз сам господин говорить не хотел.

– Спасибо, отец! – сказал благодарно Хэй. – Вы сделали меня таким счастли... – и обмякла рука его в широких ладонях отца. И крепких.

Но что за мука и что за проклятая удача ребёнка очередного вновь пережить отцу?!

И похороны провели широко. Как и пепел второго сына, ветром развеянный. Он – мать призналась – просил её о том. Чтобы полететь по небу с ветром, свободным и с крыльями. Чтобы она сказку ему рассказала, а он – может вдруг – су-

меет полетать во сне?.. И во сне другом улетел добрый Хэй. Совсем улетел ещё юный. Душа добротою широкая была у него. Как море. Которым – одним из начертаний – писалось его имя.

А Ён Ниан кутил и пил. Пил и кутил. Но, если честно совсем уж – но о том знали боги только, а из живых никто не подозревал – первые месяца три после похорон наследник пил, тоску заливая об умершем. Если честно, он немного даже младшего брата любил. Если можно было так о нём говорить. Если сердце его способно всё-таки было любить.

После провала на экзамене первого лишь Хэй смущенно улыбался ему. Единственный улыбался ему в доме. Ну, кроме матери Ён Ниана, хотя по лицу её да по морщинке новой, первой, читалось, что и она сыном своим сегодня страшно расстроена. А тому, привыкшему к её обожанию неременному, разочарование её встретить первое ужасно было. Он вдруг почувствовал себя нищим умом и жалким в глазах у женщины, которую обожал. Одну лишь её. Такую заботливую прежде. То есть, она и сейчас заботливою было, но было уже что-то не то в её глазах.

И после второго провала – хотя он старался на этот раз уже – только Хэй пришёл к нему, с подносом сладостей. И, хотя он в гневе ударил мальчишку по руке, разбив её и поднос со сладостями уронив, однако же добрый мальчишка остался. Сказал, что верит в него. Что верит, что в следующий раз

он обязательно... и в тот единственный из дней Ён Ниан пустил его к себе. Со злости споил. Смотрел, как брат младший смешно морщится, впервые попробовав вино. Как он потом смешно танцует и прыгает, поёт охрипши. Как обезьяна прыгает! Но он единственный в тот день был с ним. И в ту ночь. Ночь первую, проведенную без любовниц. А слуги с ужином и завтраком даже не пришли – всем запретил господин разгневанный.

Добрым братом был Хэй. Милым сердцу братом. Но понял это Ён Ниан слишком поздно – уж ветер весь прах его развеял, унёс по краям неизвестным.

Но выводов не сделал тогда Ён Ниан. Он не подумал, что люди бывают смертными. Он не задумался, как он жил и зачем на свете живёт. Кутил и пил. Пил и кутил.

Те страшные семь лет были для Хон Гуна. Он страшно боялся, что сын его сопьётся или убитым станет в пьяной драке, драке глупой и непристойной. Последний из всех живых его сыновей. Наследник. Наложница третья родила было ещё одного мальчонку – и восторгом, надеждой отец воспылал – но умер тот на третьем месяце, родиться дерзнувший зимою долгой и страшно в тот год холодной.

Совсем седыми стали волосы чиновника после той зимы. Шёл сорок третий год ему. Но, казалось, что закончилось уж

всё. И не хотелось больше ничего. Не ждал он ничего. Хотя, бывало, сердце согревалось теплом рядом с его Кэ У, всё ещё остававшейся в поместье отца и не нужной больше никому. Да согревалось сердце, когда случайно заставал он мать Хэя, молившуюся богам пылко, чтобы вернулся живым Гу Анг, чтобы ничего не навредило ему. Она и с Кэ У несчастной общалась приветливо. Всегда ещё.

– Хотя б ему! – молила. – Хотя бы спасшему жизнь сыну моему, мне его на год подарившему ещё, точнее, на тринадцать месяцев, хоть жизнь подарите ему! Хоть вместо моей жизни!

– А кто останется тогда со мной?! – не выдержал возмущённо её господин, выдав наконец-то своё присутствие.

– Кэ У, – улыбнулась женщина, молодая ещё, но пряди две белых пролегло уже от висков и уходило в переплетения причёски. – Кэ У никогда не бросит вас, мой господин.

Вздыхнул отец семейства уныло, прошёл мимо жены коленапреклонённой, опустился устало в кресло. Снова вздохнул.

– Замуж бы ей! – боль очередную свою выдохнул он наконец.

– А может... – начала осторожно жена.

– Что «может»?.. – подался мужчина вперёд, оживившись.

А вдруг она что-то знает? Вдруг подскажет? Она тихою очень была, но умной. Вот, поняла всё про старшего сына, но виду совсем не подавала. И, как заметил он, она и её сын,

со слугами были милы и справедливы. Из их дома никогда не выходил Гу Анг, опуская голову и пряча слёзы.

– Может... если вернется Гу Анг... – начала она.

– Да вряд ли уже! – он сердито опять вернулся в позу прежнюю.

– Если он книги те сохранит, то, может, в награду вы дадите ему статус свободного? И... – она потупилась смущенно. – И Кэ У, – но тут же взгляд подняла, с живым любопытством заглянула в глаза супруга. – Уж разве он стал б обижать её? – вздохнув, призналась. – Я тоже не хочу обид её. Не хочу, чтоб она как сестра моя в дом матери приезжала навестить, слёзы пряча за натянутою улыбкою.

– То было бы чудесно, – улыбнулся мечтательно Хон Гун. – И как я сам не додумался?! – но тут же помрачнел. – Если он вернётся.

– Молитвами пылкими сердце любого, говорят, бережёт, – сказала женщина с милою улыбкою.

– Хотел бы я верить, – вздохнул её супруг.

Месяца через два морщинка новая пролегла по лбу старшей госпожи. А на третий господину служанки радостно донесли – они тоже любили мать Хэя за приветливость – что ждёт младшая госпожа ребёнка следующего.

Хотя родила она дочку очередную. Но милою такую была,

обнимая её, лаская её щёчку, почему-то чаще правую! Сердце отогревалось у супруга, в те мгновения, когда он смотрел на неё.

Мрачнела старшая госпожа. А Ён Ниан и третью попытку завалил, и четвёртую. Чиновником так и не стал. И пил, и кутил. Кутил и пил. Любили вспоминать его злые языки. Пожалуй, один из самых обсуждаемых мужчин в столице. Но разве такое наполнит гордостью сердце матери и отца?!

А потом умер Цинь Шихуанди. Империя Цинь встретила свой конец. Всего пятнадцать лет она несла мандат неба. Видно, боги были не слишком довольны чем-то в правлении прежнего императора? Но, впрочем, мандат неба нового хозяина нашёл.

И среди потрясений, среди армий враждующих, потерявших главу-императора, среди ополчившихся знатных людей былых, уничтоженных Цинь Шихуаном царств, схватившихся нешуточно, возродилось царство Чу. Один из чиновников средних тамошних, Лю Бан, стал военачальником. Царство Чу воевать стало против Цинь, разобщённого после смерти Цинь Шихуанди.

Люди простые вынуждены были опять переселяться. Люди гибли в войнах. Намного меньше стало тех, кто должен возделывать землю.

Но наконец власть забрал себе Лю Бан. Имя получил Гао-цзу. И новую империю Поднебесной страны нарекли Западная Хань².

Дом Хон Гуна и клан его более-менее времена смутные пережил. Вот, даже Ён Ниан за ум вроде взялся. Перестал столько пить, меньше стал уж по борделям гулять. И драться тренироваться стал каждый день. И стал расспрашивать о хозяйстве отца, как сохранить.

Женили его наконец. На девушке из обедневшей знатной семьи. Все в доме её рыдали, все жалели её, но выбрали богатство и знатность жениха вместо её покоя.

И вроде притих Ён Ниан. Намного чаще дома стал ночевать при жене. И надеялись отец и мать его – да не надеялись совсем другие женщины отца его, знавшие его грубый нрав на себе – что успокоится наконец Ён Ниан, приличным человеком теперь заживёт, отцом новой семьи. Ответственность делает мужчину красивей, юнца делает мужчиною жены хрупкость нежная, да ручки протягивающая совсем ещё маленькая, крохотная жизнь. Жизнь слабая, которую нужно защитить.

Да жена его молодая и робкая в первых родах умерла. Доч-

² Западная Хань – китайская империя, существовавшая с 206 года до н.э. по 9 год н.э.

ке жизнь так и не подарив.

Обозлился на Небо тогда Ён Ниан. Ругал словами жуткими богов. Ругал устои все. Не один из дорогих сервизов разбил. Он впервые понял вдруг, что люди смертны. Как драгоценно время. Когда оно утеряно. Когда ты ничего доброго подарить близким ушедшим не сумел. Не успел. Потому что не хотел. Тогда не хотел.

Он пил и пил. Хотя он к женщинам не прикасался больше. Боялся снова одну из них в родах убить. Боялся, что уже убил их сколько-то. Хотя никто признаться не решился, что дерзнул зачать и сглупил родить детей от того самого Ён Ниана. Уж как ни расспрашивал, как ни грозил, как ни бил. Сервиз разбил он редкий в борделе главном. Хозяйка послала отцу его робкое, но гневное между строк письмо. Мол, избавьте нас от его визитов, милый господин! Сил уже нет больше терпеть его.

Да он и не ходил к ним больше. Он уныло по окрестностям бродил. Морщинка первая на лбу мужчины молодого появилась. Но отец надеялся, что переживёт, окрепнет. В конце концов, руде, чтобы стать острым и твёрдым мечом, нужно пройти через огонь и сколько-то ударов молотом тяжёлым, распростертой будучи по наковальне.

А в один из дней шёл вдовец молодой мимо реки. Реки, в которой, как верили все, жил старый дракон. Сильный дра-

кон. Защитник и покровитель. Его о дожде молили. Ему раз в десять лет дарили молодую невинную девушку, одну из лучших деревенских красавиц. Хотя в год принесения дара сложно было найти невинную и юную. Ох уж эта распущенность! Ох уж эти девицы глупые! Хотя и всё-таки брали за муж, сердце скрепя и зубы сцепив, мужчины молодые. Жена живая лучше, чем мёртвая. То есть, подаренная дракону. Особенно, если повезло – и сосватали девушку уже приглянувшуюся и милую.

Но, ладно, кого-то всё же находили. Всею округой – и знать участвовала – собирали подарки невесте будущей дракона, украшения получше, наряд ей вышивали роскошный. И ещё один – её сестре. И находились дочери бедняков, которые охотно или, скрепя сердце, приносили себя в жертву, ради нищей семьи или дочерей будущих, или родившихся старших сестёр.

Шёл Ён Ниан мимо реки. А воды её нынче были гладки, как шёлковая ткань, ткавшаяся как раз для новой невесты.

– Хорошо же богам жить! – сказал вдруг Ён Ниан в сердцах. – Ваши жёны и дети бессмертные и не умирают! – криво усмехнулся молодой мужчина. – Хорошо же быть бессмертным!

Со дна из глуби воды мрачно посмотрел на него молодой дракон Вэй Юан. Один из младших сыновей господина реки и дождя. Но, впрочем, показываться не захотел, оставшись невидимым для дерзкого человечешки.

А человек дерзкий ещё шагов двадцать прошёл. Ещё тридцать. У берега. Злость жгла его, тоска душила сердце. Почему жизнь в мире этом так несправедлива?!

Крестьянки две прошли, потупившись робко – и здесь дошла его дурная слава – и дальше прошли, новую свадьбу речного дракона тихо обсуждать начали снова, отойдя.

Ён Ниан расслышал.

– Вот хорошо драконом быть! – проворчал он тихо. – И жрать таскают каждую неделю лучшие кушанья. И невест каждый десяток лет, на случай если жена каждая из старых уже надоест.

И, обозленный, вдруг сплюнул. Прямо в воды священной реки.

Вдруг воды взмыли почти к самому небу, раздернулись, опадая двумя огромными веерами – и вскрикнули девушки, на шум обернувшись, а аристократ неудавшийся устоял – и с рыком жутким, который услышали в деревнях ближайших и в городе все, услышали и содрогнулись, из реки выскочил огромный дракон. Не самый, конечно, огромный, среди драконов, но люди о том не знали, не видели, что совсем молодой. И тоже с мерзким таким же характером.

И, пророкотав сердито – крестьянки попадали, разбили кувшины свои с мукой – дракон вдруг злобно сплюнул уже сам, человеку наглому в морду, прицельно. Так, что сшиб того с ног. И тот больно приложился об твердую землю башкой и наряд ободрал на заднице. Даже штаны продрал – дра-

кон заметил довольно, как девушки отвернулись смущённо от наглеца поднявшегося.

– Слышь... ты... – начал возмущённо человек.

– Нет, уж послушай ты! – не утерпел молодой дракон. – Ты хотел быть как боги?! Хотел быть как дракон? Так я проклинаю тебя, мерзкий смертный! Забери половину моей силы и живи теперь вечно! Живи, когда прахом истлеют кости последнего потомка твоего рода! Живи, когда прахом истлеет город, в котором ты родился и привык жить! Скитайся по свету, нищий и никому не нужный! Видь всё, что могли видеть мои глаза! И, что бы ты, как и я, боль каждого, как и я, видел и ощущал как свою! – усмехнулся горько. – Будь как я, дерзкий человек! Будь бессмертным!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.